

В.А. Арутюнова-Фиданян

АРМЕНИЯ И ВИЗАНТИЯ В VII в.: СИНТЕЗНАЯ КОНТАКТНАЯ ЗОНА

Взаимоотношения народов и государств, взаимодействие культурных систем, механизмы их восприятия – одна из приоритетных тем современной науки – детально разработаны в новой и новейшей историографии, но не в медиевистике. А между тем именно в средние века, когда страны были менее замкнуты в национальных и государственных границах, процессы, происходившие в зонах встреч цивилизаций, оказывали значительное влияние на ход мировой истории. Лишь в последние годы появились монографии, посвященные культурной трансформации в процессе взаимовлияния цивилизационных типов¹.

Захаридская Армения, Грузия времен царицы Тамар, так называемая «эпоха трансформации» мусульманской цивилизации (X–XII вв.) – все это примеры нарушения традиционных рамок этнического партикуляризма. Полиэтнические империи средневековья, такие как Византия, были окружены бахромой лимитрофов, через которые осуществлялось их влияние на соседей и впитывалась культура сопредельных стран. В умелой организации пограничных регионов, возможно, заключалась одна из загадок живучести Византийской империи между враждебными государствами Запада и Востока.

Признание общих путей развития человечества живет в таких часто употребляемых выражениях, как «Христианский Восток», «Мусульманский Восток», «страны византийского культурного круга» и т.п. Но даже и такие глобальные понятия не могут удовлетворить исследователей, оставляя в стороне проблемы пересечения культур на лимитрофных территориях. Преодоление исследовательского партикуляризма, вызванного не только обилием разноречивой и гетерогенной информации, но и чисто формальными причинами (организация изучения истории по узко ориентированным центрам и институтам) приводит к необходимости исследования процессов в зонах встреч цивилизаций.

Введение понятия «контактная зона» способствует не только и не столько обретению новых знаний, сколько позволяет распорядиться уже накопленными, позволяет адекватно объяснить факты, необъяснимые в рамках истории отдельных стран и вносит, тем самым, определенный вклад в создание теории развития человечества.

Важность терминологического аппарата для историографии не нуждается в дополнительной аргументации. Однако появление новых терминов всегда вызывало определенное неприятие. К примеру, некоторые арменоведы полагают, что армяно-византийская история как изучалась под рубрикой «взаимоотношения», так и должна изучаться. А между тем такие выражения, как «взаимосвя-

¹ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Bolivet M. *Romanie byzantine et pays du Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque*. Istanbul, 1994. См. также рецензию на эти работы: Шукуров Р.М. Зона контакта. Проблемы межкультурных отношений в современной медиевистике // ВВ. 1999. Т. 59.

зи», «взаимоотношения», «контакты», очень полезные, иногда необходимые в стилистическом отношении, вполне бессмысленны в – историографическом. Эти слова всегда требуют эпитетов: межгосударственные, межэтнические, межличностные, конфессиональные и т.п.

Проблемы границ Византийской империи (в частности восточных) всегда привлекали внимание исследователей и породили огромную литературу. Однако специалисты рассматривали лимитрофы империи скорее как полиэтнические территории, нежели как контактные зоны, что вовсе не одно и то же².

На XIV Международном конгрессе византистов отечественные ученые выдвинули предположение, что на восточной границе империи в IX–XII вв. существовала (независимая от этнических и географических условий) социально-политическая структура приграничных областей, остававшихся «бахромой племенных княжеств подле централизованной и многоэтнической империи»³. На мой взгляд, столь широкие (во времени и пространстве) обобщения не прошли безнаказанно для постановки проблемы в целом, поскольку из нее выпадало изучение главной составной части византийской пограничной структуры: собственно византийские военно-административные округа, существовавшие наряду с независимыми и полунезависимыми политическими образованиями и поглощавшие их. Кроме того, жесткое элиминирование этногеографического аспекта проблемы входит в явное противоречие с аксиомой о географических условиях и этническом субстрате как материальной базе любых контактов (политических, экономических, конфессиональных, культурных).

Контактная зона должна быть полиэтнической территорией, но не всякая полиэтническая территория может быть контактной зоной. Концепция «византийского сообщества государств», члены которого составляли государства, находившиеся в церковной и политической зависимости от Константинополя, разработанная Д. Оболенским, продолжает сохранять традиционную односторонность византийского универсализма. Проблема встречного влияния соседних стран на Византию, вопросы взаимодействия социальных, экономических, административных и религиозных институтов не разрабатываются и в этом капитальном исследовании⁴.

Впервые в отечественной литературе словосочетание «контактная зона» – как понятие для обозначения определенного региона, имеющего набор характерных качественных признаков, – был употреблен В.Д. Королуком. Он ввел это понятие для выделения обширной области, где процесс генезиса феодализма шел под влиянием и при участии всей суммы составляющих так называемого «античного наследия»⁵. Иначе говоря, оно было применено прежде всего и только для анализа социально-экономических особенностей обществ переходного типа периода смены формаций.

Дальнейшие разработки способствовали обретению словосочетанием «контактная зона» более широкого значения, нежели вкладывавшееся в него

² Арутюнов-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона... С. 155. Там же, библиография, с. 155 сл. (Труды К. Аздрахи о Родопах, Э. Брайера о Понте и т.п.).

³ Бартикян Р.М., Каждан А.П., Удадьцова З.В. Социальная структура восточных границ Византийской империи // Actes du XIVe Congrès des études byzantines. Bucarest, 1975. P. 231–235.

⁴ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971; см. также последние публикации в Variorum reprints: Lopez R.S. Byzantium and the World around it. L., 1978; Speck P. Understanding Byzantium. L., 1999; Thomson F.J. The Reception of Byzantine Culture in Medieval Russia. L., 1999.

⁵ Королук В.Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 31–46.

В.Д. Королюком⁶. Среди исследователей нет единства относительно рамок этого понятия. Все же некоторые ключевые моменты общепризнаны. Считают, что для контактной зоны характерно совместное проживание разных этнических групп на протяжении длительного исторического периода, сосуществование разных культурных, религиозных, административных и иных систем, своеобразная языковая ситуация, а также размытость границ и их подвижность. В настоящее время исследователи то расширяют понятия «контактная зона» (до размеров Восточной Европы, например), то сужают (до одного многоэтнического города)⁷.

С.Г. Агаджанов в докладе «Контактные зоны Восточной Европы: узловые проблемы и задачи исследования»⁸ подчеркнул, что проблема контактных зон в современной историографии не только не решена, но даже и не поставлена должным образом, что нет ни критериев определения контактных зон, ни понятийного аппарата⁹. Определение самого С.Г. Агаджанова контактной зоны как «разделявшей и вместе с тем объединявшей пограничной буферной территории (лимесе)» и расплывчато, и противоречиво¹⁰. Контактная зона не может быть ни разделяющим и объединяющим буфером, ни просто культурной областью или только лимесом. Это принципиально иная структура, хотя несомненно вбирающая в себя содержание двух последних понятий. И, разумеется, нельзя полагать, что контактная зона может существовать при наличии только одного ведущего объединяющего признака (географического, конфессионального и т.п.)¹¹. Исследователи обычно под «контактной зоной» понимают территории соприкосновения различных хозяйственно-культурных типов (например, зона кочевого скотоводства и зона оседлости) или конфессий, причем акцент делался на их противостоянии¹². К тому же в разных дисциплинах (балканистике, славяноведении, скандинавистике и т.п.) и даже в пределах одной дисциплины это словосочетание наполняется разным содержанием.

Объект исследования, таким образом, эпистемологически недостаточно четко определен и требует выработки собственного понятийного аппарата. Первоочередная задача исследования понятия «контактной зоны» заключается в том, чтобы придать этому понятию с размытой семантикой категориальную жесткость.

Для этой цели как нельзя более наглядно рассмотрение исторических позиций Армении и Византийской империи.

Тысячелетние (унаследованные от Рима) отношения Византии и Армении в определенной мере уникальны. Армения бывала в разное время и восточной соседкой, и вассальной страной на Востоке, и частью восточных провинций импе-

⁶ См., например, материалы специальной секции «Границы и пограничные регионы в VII–XII вв.», работавшей в рамках XIV Международного конгресса византистов (1971) (*Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Rapports de XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1971. Pt. II. P. 7–19; Oholensky D. Byzantine Frontier Zones and Cultural Exchanges. Ibid. P. 91–101*).

⁷ См. в сб.: Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.

⁸ Доклады ИРИ РАН, 1994–1996 гг. М., 1997. С. 5–19.

⁹ Там же. С. 5–6.

¹⁰ С.Г. Агаджанов полагает, что определенный интерес для изучения контактной зоны может представлять «пограничный метод» изучения историко-культурных провинций или понятие «культурной области», разрабатываемое американскими и западноевропейскими учеными, изучающими комплексы синтезных явлений, миграционные и колонизационные процессы, формирование рынка занятости, системы коммуникаций и т.д. (Там же).

¹¹ Там же. 14.

¹² Там же. С. 21.

рии. Политические границы Армении и Византии всегда были нестабильны, а культурные – прозрачны.

Усилиями византинистов и арменоведов стало банальным суждение о том, что ни одно государство не оказало такого влияния на все стороны жизни армян как Византия, а армяне в свою очередь играли значительную роль в жизни Византийской империи.

§ 1. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Армяно-византийские отношения в самом конспективном плане обычно делятся на три этапа. Первый охватывает отношения Восточноримской империи и Армении доарабского периода (до начала VII в.). Второй этап хронологически укладывается в рамки с конца IX в. (восстановление армянской государственности и постепенная аннексия армянских земель Византией) до 1071 г. (поражение империи при Манцикерте). И, наконец, третий этап – взаимоотношения Византийской империи и Киликийского армянского государства. Разумеется, эта периодизация охватывает государственные связи Византии и Армении. Взаимоотношения же Византии и армянского этноса периодизации не поддаются, представляя собой практически непрерывный процесс.

Эмиграция армян в империю началась вскоре после византийско-персидского раздела 385 г., значительно усилилась в эпоху арабского владычества, приобрела постоянный и организованный характер после установления власти Византии в Армении (X–XI вв.) и массовые масштабы при сельджуках (с середины XI в.).

Данные Мовсеса Хоренаци позволяют утверждать, что армянский этнос уже в эпоху Юстиниана распространялся по Малой Азии. Движение армянского населения шло в двух направлениях. Первое – от Второй Армении на северо-запад к Черному морю, армянский элемент начиная с VII в. усилился в этом регионе настолько, что обширная провинция, охватывающая территорию от Кесарии Каппадокийской до Черного моря, называлась фемой Армениакон. Второе направление, от Мелитины к Киликии с выходом к Средиземному морю, подготовило тот этнический пласт, на котором возникло царство Рубенидов¹³. И потому армяно-византийскую контактную зону следует считать парадигмой «развернутой» контактной зоны (развернутой как в пространстве, так и во времени). Армяно-византийская контактная зона возникла в условиях не отвлеченных и далеких культурных взаимовлияний, когда государства и народы общаются в процессе войны и торговли, через купцов, солдат и дипломатов, а в тесном межэтническом и межгосударственном общении.

V–VII века знаменательны как для истории Восточноримской империи, так и для Армении. Империя в этот период времени (с переносом столицы в Константинополь, отделением от западной части империи и начавшимся тесным общением с цивилизованным Востоком) открывает византийскую эру своей истории. Армения в это же время становится частью восточнохристианского, а позднее византийского мира.

Греческий этнос занимал первое место в полиэтнической Византии, но «византизм» не был только его творением. В содержание этого понятия внесли лепту многие народы на восточных границах империи и среди них одно из первых мест принадлежит армянскому этносу, главным образом из-за географиче-

¹³ Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С. 203–204.

ского положения Армении среди смежных малых стран (Грузии, Алуанка, Атрпатакана, Сирии и Каппадокии).

Само Армянское нагорье было этнически однородно. В больших городах, таких, как Двин, например, помимо армян, жили сирийцы, персы, евреи, но ни персидское, ни византийское присутствие не изменило сколько-нибудь заметно этнический облик страны. Кроме византийских военных гарнизонов и администрации в Армении появлялись и греческие поселенцы. Однако этот поток переселения был несравним по мощи со встречным, унесшим в Малую Азию значительную часть армянского населения.

Одна из вечных тем арменистики – переселение армян с родной земли, как добровольное, так и насильственное. Последнее связывается с идеями, приписываемыми императору Маврикию, который, по Себеосу, предложил шаху Ирана отсылать военные силы Персармении на восточные границы Ирана, сам же он предполагал отправлять воинов из Византийской Армении во Фракию для войны с врагами империи. Э.Л. Даниелян определяет этот курс как «доктрину Маврикия», направленную на уничтожение военного потенциала Армении и ассимиляцию ее населения¹⁴. Такой взгляд на византийский политический курс в Армении широко распространен. Но мне представляется, что к исторической реальности армяно-византийских отношений VI в. гораздо ближе точка зрения И.М. Усачёвой, которая полагает, что ключ к пониманию переселенческой политики Тиверия и Маврикия следует искать в демографическом кризисе и разложении военной организации империи. Византия (как и Иран) черпала новые силы из армянских воинских контингентов. Организация армянских поселений на Кипре и на Балканах оказывала существенное влияние не только на укрепление обороноспособности этих регионов, но и на развитие в них сельского хозяйства. Армянские отряды уходили в империю по договору и под началом своих нахараров. Армянские колонии на Кипре и во Фракии, которые составляли воины и их семьи, надолго сохранили свой этнический облик¹⁵.

Уже в VII в. в Малой Азии был значительный пласт армянского населения¹⁶ (к началу X в. его плотность была настолько велика, что земли к востоку от линии Севастия–Кесария–Поданд–Тарс именовались «землей армян»)¹⁷. Армяне жили не только в восточной, но и в западной Малой Азии (Троада, Фракисийская фема, Анатолик, Опсикон), на Балканах, в Италии и на островах (на Кипр армяне были отправлены Маврикием – тогда еще полководцем, а не императором – в 578 г. после персидской кампании)¹⁸. Армяне служили в армиях Юстиниана, Маврикия, Ираклия. П. Харанис считает, что Армения была главным поставщиком воинов (the main recruiting ground) империи в VI и VII вв.¹⁹

Суммируя основные итоги многочисленных исследований по проблеме этнической ситуации в Малой Азии, П. Харанис заключает, что наиболее значи-

¹⁴ Даниелян Э.Л. Армяно-византийские отношения (конец VI – первая пол. VII в.) // ИФЖ. 1988. № 3.

¹⁵ Усачёва И.М. Страны Закавказья в системе восточной политики Византии (560–620-е гг.): Автореф. канд. дис. Ереван, 1990. С. 13.

¹⁶ Kaegi W. Al-Balādhuri and the Armeniac Theme // *Byzantion*. 1968. Т. 38. Р. 273–277; Charanis P. Ethnic Changes in Seventh-Century // *DOP*. 1959. Т. 13. Р. 28–29, 34–36; *Idem*. The Armenians in the Byzantine Empire. Lisbon, 1963. Р. 19–21.

¹⁷ Leo Diaconus. Р. 169.

¹⁸ Garsoian Nina G. The Problem of Armenian Integration into the Byzantine Empire // *Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire*. Washington. D.C., 1998. Р. 56.

¹⁹ Charanis P. Ethnic Changes..., Р. 31–34; *Idem*. The Armenians..., Р. 18. По сведениям Пасхальной хроники армяне участвовали в обороне Константинополя в 626 г. во время осады аваров (Bonn. 1832. Р. 429–430).

тельным этносом из «non greek speaking» были армяне²⁰. И много позже рассматриваемого периода они составляли большую часть населения в Понте, в фемах Армениак, Халдия, Колония и Севастия, землях, находящихся в пределах Малой Армении, где, несмотря на «прогресс процессов эллинизации, армянский язык не уступил греческому»²¹. От границ Великой Армении до берегов Средиземного моря армянский этнос занимал место достаточно значительное для возникновения Киликийского армянского царства в конце XI в.

§ 2. СИНТЕЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ, СОЦИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУТОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ АРМЕНИИ

Вековая борьба Восточноримской империи и Ирана за Армению привела в 385 г. к ее разделу между соперничающими странами. Разделение страны на Иранскую Армению (Персармению) и Византийскую (ромейскую) повлекло за собой и культурное раздвоение страны. В состав Византии вошла Малая Армения к западу от Евфрата [включенная в состав Римской империи еще при Веспасиане (69–79)], автономные княжества – сатрапии, расположенные на юге Армении между Тигром и Евфратом (Софена, Ангелена, Анзитена, Софанена, Аштианена и Балавитена – последние присоединились в 377/8 г.), и большая часть Великой (или Внутренней) Армении (к востоку от Евфрата), разделенной между Византией и Ираном по договору 385 г. по линии Феодосиополь (Карин) на севере (территория империи) – Нисибин на юге (принадлежал Ирану).

В 428 г. в Византийской Армении была упразднена царская власть. Отмена царской власти вызвала переворот в политической жизни, но социально-экономические и правовые институты оставались неизбылемыми, власть комита (позднее дуки), ведавшего армянскими провинциями, по-видимому, вполне уживалась с правами и властью нахараров²².

Сатрапии и Внутренняя Армения оставались *civitates stipendiariae*. Армянские владетели признали сюзеренитет империи, их отряды участвовали в войнах на востоке, рукоположение армянских примасов совершалось в Кесарии Каппадокийской, и тем не менее, все это не привело в IV–V вв. к формированию новой модели общества на армянских землях, так как этносы и их социально-административные институты и формы идеологии сосуществовали здесь, но не взаимодействовали.

Первый и решительный шаг к созданию контактной зоны на востоке империи сделал Юстиниан I (527–565). Император, разумеется, не собирался создавать новую общественную модель, напротив, он стремился сделать Армению частью Византии, воплощая свою идею сплочения разнородных частей империи. Сплочение же в понимании великого автократора – это унификация, уничтожение индивидуального облика имперских провинций. Юстиниан прежде всего провел военную реорганизацию Армении (527–530 гг., по мнению Н. Адонца). Поводом к этой акции послужили поражения ромеев в войне с персами и армянскими князьями Персармении. Юстиниан считал причиной неудач недисциплинированность нахарарских этерий, неумение их взаимодействовать с регулярными войсками империи, а также неудовлетворительность пограничной оборо-

²⁰ Charanis P. Observations on the Demography of the Byzantine Empire // Studies on the Demography of the Byzantine Empire. Variorum reprints. L., 1972. P. 19.

²¹ Charanis P. The Armenians in the Byzantine Empire // Studies, P. 197, 204.

²² Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. С. 45, 116–119.

ны. И поэтому все военные силы на территории Армении подчинялись теперь одному наместнику (*magister militum per Armeniam*), а в сатрапии были назначены двое дук²³. Одной из наиболее значительных сторон военных реформ в Армении было создание нескольких оборонительных линий из крепостей, которые тянулись по всей пограничной полосе²⁴.

За военными реформами последовала гражданская реорганизация. Юстиниан разделил Византийскую Армению на ряд новых военно-административных округов: Армения Первая (включавшая в себя Внутреннюю Армению и часть Малой Армении) с центром в Визане-Леонтополе, Армения Вторая (часть Малой Армении и прилегающие к ней понтийские области) со столицей в Севастии, Армения Третья (оставшаяся часть Малой Армении) со столицей в Мелитине, Армения Четвертая (сатрапия) с центром в Мартирополе. И, наконец, самым серьезным шагом в реорганизации Армении следует считать попытку Юстиниана изменить социальный строй. Две новеллы («О порядке наследования у армян» и «О том, чтобы и армяне во всем следовали римским законам»), направленные против майоратного права, являются ключевыми в реформах Юстиниана. Законодатель отмечает, что в армянском семейном праве не был принят обычай завещания, а женщины не имели наследственных прав. Это справедливо и естественно, поскольку феодально-родовой нахарарский строй исключал свободное распоряжение родовой собственностью, а также не позволял передавать земли по наследству женщинам, поскольку феодальное землевладение обуславливалось военной службой²⁵.

Новеллы, направленные против цельности нахарарских земель, подрывали могущество князей, основанное на землевладении. В Византийской Армении, таким образом, ослаблялся тот общественный уклад, на котором была основана, по мнению Н.Г. Адонца, «национальная жизнь армян» – нахарарский строй, ослаблялись соответственно и военные силы страны и уничтожались нахарарские традиции в области политической свободы. Это происходило в основном в Малой Армении, где нахарары, утрачивая свое влияние и значение, вливались в ряды византийского господствующего класса²⁶.

При преемниках Юстиниана углубляются процессы в едином политико-административном и культурном пространстве контактной зоны. В постюстиниановский период и до арабского завоевания Армения остается частью восточных провинций империи, плацдармом в войнах с Ираном и форпостом христианского мира. В 591 г. Византийская Армения увеличивается за счет большей части Персармении, переданной Хосровом II (590–628) Маврикию за помощь в восставлении на престоле.

Юстин II (565–578), Тиверий (578–587), Маврикий (587–602), Фока (602–610) и в особенности Ираклий (610–641) проводили гибкую политику, поддерживая антииранские выступления в Армении и используя армянские войска в войне с Ираном.

Нахарарский строй, почти исчезнувший в Малой Армении и сатрапиях, неколебимо существовал в Великой Армении, несмотря на отсутствие государственности и новеллы Юстиниана. Это объясняется прежде всего постоянным ирано-византийским противостоянием. Империя не могла уничтожить нахарарский строй, не упразднив связанные с ним военные институты (нахарары-полководцы и их этерии, конница, ополчение), необходимые для войны с Ираном.

²³ Там же. С. 127–139.

²⁴ Procopii Caesariensis opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Lipsiae, 1962–1963. Vol. VII.

²⁵ Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. С. 179–198.

²⁶ Там же. С. 201–202.

Начало царствования Ираклия совпало с успехами Ирана в войне. Византия с 604 г. и до конца 620 г. потеряла все свои восточные провинции, а конец царствования Ираклия был ознаменован разгромом империи персов. Утверждение Стратоса, что Ираклий обязан своими победами гражданскому греческому ополчению не может быть принято; если фемный строй и мог зародиться при Ираклии, то результаты его не могли сказаться немедленно. Предположение Дж. Холдона о введении наследственной военной службы осталось гипотезой, не подкрепленной источниками. И.М. Усачёва справедливо видит причину успехов Ираклия в привлечении на службу империи армянских и грузинских владетелей, на территории которых и шли в течение шести лет византино-иранские войны. Ираклию удалось соединить интересы значительной части нахарарской знати с интересами империи. В то же время высокий уровень военной культуры, участие в создании армии нового типа в Византии, видная роль в дипломатических переговорах, конфессиональный компромисс (принятие халкидонитства) позволило части армянских аристократов занять высокое место в иерархии империи. А. Грегуар называет VII в. «армянским веком» в истории Византии, разумеется, не только из-за этнической принадлежности императора²⁷, в равной мере можно назвать VII в. в Армении «византийским столетием».

В правление Ираклия в Византийской империи начались важные социальные и административные преобразования, завершившиеся к концу VII в. Ираклий проводит перестройку центрального аппарата империи (в частности финансового ведомства), добиваясь жесткого централизма власти. Появляются первые военно-административные округа (фемы), в которых вся власть (гражданская и военная) сосредоточивается в руках стратига. Стратиготы получают наследственные надель, и на смену наемной армии приходит местное ополчение, включавшее в себя, помимо зависимого сельского населения империи, и значительное количество иноземцев, оказавшихся на ее территории. Именно в этих социальных условиях оказывались армянские переселенцы на имперских землях (в Малой Азии, на Балканах)²⁸.

Однако в самой Армении нахарарский строй, феодальный по существу и родовой по форме оставался неизменным. Субстратом экономической и политической жизни феодальной Армении была вотчина (хайреник) – крупное феодальное поместье, либо город с округой. Нахарары пользовались правом внутреннего самоуправления. Империя проявляла значительную гибкость в отношении армянских земель с их мощными и боеспособными воинскими контингентами (в особенности конницей), стратегически важными пунктами Армянского нагорья, полезными ископаемыми (в частности золотом) и т.д.

В конце VI – середине VII в. Армения становится единым политическим образованием²⁹, входящим в Византийскую империю под управлением местного династа – наместника Византии. Армяно-византийская контактная зона достигает расцвета и стагнации в два десятилетия, которые приходятся на период от победы Ираклия над Ираном (конец 20-х годов VII в.) и до захвата арабами Двина в 640 г.³⁰ Теодорос Рштуни – византийский наместник Армении пошел на со-

²⁷ Усачёва И.М. Страны Закавказья... С. 19–21.

²⁸ История Византии. М., 1967. Т. I. С. 366–367.

²⁹ Арменоведы отмечают консолидацию армянских земель в этот период (Даниелян Э.Л. Армяно-византийские отношения в период заключения армяно-арабского договора // ВОН. 1988. № 4. С. 23).

³⁰ Арабы в 634 г. вошли в Сирию, в 636 г. в битве на р. Ярмук разбили византийское войско, в 638 г. захватили Антиохию, а в 640 г. разорили Двин.

глашение с арабами³¹. Однако, как бы ни расценивали исследователи договор Теодороса с арабами (как «смелую попытку спасти Армению от кровопролития», как гарантию от нападений Халифата³² и т.п.), владетель Рштуника не имел права его заключать ни *de facto*, поскольку он не был поддержан большинством нахараров, ни *de jure*, так как он находился на службе империи.

Констант II прибыл в Карин, где ему представились «князья и войско так называемой Четвертой Армении, а также все войска и князья, которые пришли туда со стороны Рштуника. Вышли навстречу жители Спера, князья Багратуни и жители области Мананали и Даранали, и все войска тех мест, и каринцы, и тайцы, и басенцы. Также вышли ему навстречу князья Вананда со своими войсками, и ширакцы, и Хорхоруни, и люди из дома Димаксян. Вышел к нему Мушег Мамиконян со своими сородичами и некоторыми другими князьями, и войско со стороны Айрарата, Аравеляны, Араняны, Варажнуни, Гнтуни, Спандуни и другие с ними. Пришел к нему навстречу из Тайка также католикос Нерсес. Все князья рассказали царю, как задумал восстать владетель Рштуника и как часто посещали его посланцы исмаильтян. Тогда царь и все его воинство предали проклятию владетеля Рштунийского и лишили его почетной должности»³³. В этом небольшом рассказе заключена важная для наших целей информация. Большая часть армянских князей во главе с католикосом Нерсесом признавала императора Константа (как до него Маврикия и Ираклия) верховным правителем Армении. Переговоры с арабами, которые вел Теодорос Рштуни расцениваются, таким образом, как «восстание» и «измена». Византийские гарнизоны в Армении обвинили Теодороса в содействии их разгрому в битве с арабами при Мардоцке. Феофан называет Теодороса Рштуни «Пасагнатес», ближе всего к огласовке этого странного наименования греческое *παράβητης* – «предатель»³⁴.

Сместив Теодороса Рштуни «за измену», Константин назначил правителем Армении Мавриана (Мориана), дав ему «начальство над армянским войском с их стороны»³⁵.

2.1. «Греческое» войско в Армении первой половины VII в. – это качественно новый феномен, обозначенный старым, стершимся термином.

Весной 626 г. персидское войско под командованием талантливого полководца Шахрвараза, пройдя Малую Азию укрепились в Халкидоне. Союзник персов аварский хакан с огромным войском подошел к Константинополю в конце июля. Хакан отверг предложение византийцев о выкупе города и седьмого августа начал штурм, не дожидаясь помощи персов, был разбит и отступил. Узнав о разгроме аваров, Шахрвараз ушел с войском в Сирию.

Рассказ Себеоса об этом событии полностью игнорирует участие аваров в сражении с византийцами.

Переговоры, по Себеосу, ведутся только с персами, и ведет их сам император, который «поневоле завел с ними дружбу». Ираклий даровал ругу войску и ценные подарки полководцу (зоравару) и «великим князьям» (ишханам) и «угощал их в течение семи дней». А далее Себеос рассказывает о том, что император обратился к персам, «стоя на корабле среди моря» и увещевал их отворотить

³¹ История Себеоса. Сводный критический текст / Предис. и коммент. Г.В. Абгаряна. Ереван, 1979. С. 116–117 (в тексте страницы указаны по этому изданию). (Далее: Себеос).

³² Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977. С. 36.

³³ Себеос. С. 165.

³⁴ Себеос. С. 612. О разных точках зрения на это слово см.: Даниелян Э.Л. Армяно-византийские отношения. С. 22. Примеч. 11.

³⁵ Себеос. С. 121.

от страны греков «огонь, меч и плен», обещая, что и «они сами получают пользу и их царь» (Себеос, с. 122).

Складывается впечатление, что аудитория Ираклия не была одной и той же в двух частях этого пассажа. Ведь, если для того, чтобы передать дары царю персов Ираклий должен был плыть морем и говорить с персидскими военачальниками «с корабля», то с кем же он тесно общался «семь дней», кому выплатил ругу и кто были великие ишханы и зоравар, получившие подарки в начале рассказа о переговорах? Персидское войско не могло получать ругу от византийского императора, но армянские отряды на службе Византии ее получали. По всей вероятности, в начале этого пассажа речь шла об армянском полководце, об армянских ишханах и их этериях, которые перешли на сторону Ирана и которых Ираклий «поневоле» стремился вернуть на службу империи.

Воины, верные Теодоросу Рштуни, ушли из «греческого» войска, а оставшиеся отряды, потерпев поражение в сражении с арабами, возложили ответственность за свой разгром на Теодороса и его союзников.

«Все ромейские войска жаловались и обвиняли Рштунийского владетеля и армян пред своим царем за поражение при местечке Мардоцек. Они говорили, что те “сговорились с исмаильтянами, нас обнадежили и тем побудили рассеивать свои силы в набегах по Атрпатакану и неожиданно наслали на нас [исмаильтян], чтобы нас поразить. Все, что мы имели там, пропало. Разреши нам идти в Армению на поиски своего добра”. Тогда Констант согласился исполнить желание войска. Он взял войско и направился в Армению со 100 000 человек»³⁶.

В тексте содержится важная информация: представители «греческого» войска при наступлении арабов «лишились всего, что имели» в Армении, иными словами, они, по-видимому, постоянно жили там. «Греческое» войско и его военачальники осуществляли контроль над армянскими землями, вошедшими в состав Византии, обладая определенной автономией.

Приведу один из многочисленных в «Истории» примеров. Себеос рассказывает об аспете Варазтироце, который бежал из Константинополя. «Теодорос, полководец греческий, совместно с князьями войска и армянскими нахарарами решили отправить к аспету католикоса Нерсеса, послать ему клятвенное обещание в том, что будут просить [царя], дать ему управление страной и вернуть его жену и детей»³⁷. Очевидно, у князей и церковников были основания полагать, что император прислушается к их просьбе.

«Греческим» наместником был князь Мжеж Гнуни, установивший пограничную линию на территории Армении после заключения мирного договора между Византией и Ираном. Именно он оказал давление на католикоса Езра, заставив его поехать к императору и принять халкидонский символ веры (Себеос, с. 131–132). Мжеж стремился самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику подвластной ему Армении без вмешательства как других нахараров, так и могущественных соседей (Себеос, с. 132–133). Себеос отмечает, что «сын великого Хосров Шума благоустроил всю Армянскую землю, а Мжеж Гнуни счел его деятельность опасной для мира между Византией и Ираном» (Себеос, с. 132–133). Мжеж отправил к Ираклию Давида Сааруни, причастного, по его мнению, к заговору против императора. По дороге Давиду удалось освободиться, он вернулся в Армению, убил Мжежа Гнуни «греческого полководца» и «принял должность полководца с согласия и одобрения всего

³⁶ История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939. С. 117. Теодорос Рштуни и его союзники завладели, по сообщению Себеоса, государственной казной (с. 166).

³⁷ Себеос. С. 144; История епископа Себеоса. С. 98.

войска». Ираклий «по просьбе князей» назначил его правителем Византийской Армении, «дал ему звание куропалата и утвердил в своем подданстве», т.е. Ираклий одобрил и подтвердил выбор «войска». Потерял свой пост Давид через три года потому, что «был отвергнут войском» (Себеос, с. 133).

Констант II заподозрил Георгия Магистра, полководца Византийской Армении, в измене, но опасался «восстания войска» и потому приказал Смбату Багратуни тайно похитить Георгия Магистра и отвезти в Константинополь (Себеос, с. 162–163). Смбату не удалось сделать это тайно и ему пришлось показать приказ императора «всем князьям и войску», они не осмелились пойти против воли императора, но позже попытались отомстить исполнителю приказа Смбату. Императору пришлось его спасать от гнева «войска», а точнее от той его части, которая отправлялась во Фракию под командованием самого Смбата («войско фракийских князей» – Себеос, с. 163).

Император отпустил в Армению Теодороса Рштуни и дал ему власть полководца, «согласится на это армянские князья или нет. Он пришел и утвердился на этом посту» (Себеос, с. 115).

Таким образом, словосочетания «греческое» войско с «греческим полководцем» и «армянские князья и их войско» являются синонимичными и взаимозаменяемыми. Теодорос Рштуни попросил у арабов войско, чтобы разбить армян и поразить мечом ивилов (Себеос, с. 172). Г.В. Абгарян считает, что речь идет о византийских войсках, расквартированных на Кавказе (Себеос, с. 359–360), однако это заключение противоречит уточнению Себеоса, что речь идет о жителях страны, которые «платят налоги» (с. 172).

Себеос оправдывает Теодороса Рштуни и других князей, перешедших на сторону арабов только тем, что над ними «тяготел страх ужасной смерти» (Себеос, с. 173). Последние главы повествования Себеоса посвящены злодеяниям арабов, которые грабили города, обирали церковь, безжалостно убивали и вельмож и простых людей и уводили в плен заложников. Почти бесстрастно Себеос рассказывает, что «Теодорос, владетель Рштунийский, ушел вместе с арабами» и скончался в Сирии (с. 174), очевидно, этот конец был предопределен его разрывом с великой христианской державой и союзом «с адом». В конце повествования Себеос отмечает, что после смерти Теодороса «армяне отпали от служения исмаильтянам и перешли на служение греческому царю. И царь Констант сделал Амазаспа, Мамиконянского владетеля, куропалатом, дал ему серебряное седалище и назначил правителем Армении, также даровал почести другим князьям, а войску деньги»³⁸.

«Греческое» войско на территории Византийской Армении состояло из армянской конницы и этерий феодалов, получавших ругу от империи, и собственно византийских военных контингентов, расквартированных на территории Армении. Командующими этим войском чаще всего являлись армянские князья, состоявшие на службе Византии и назначаемые императором. Основной обязанностью «греческого» войска было противостояние внешней угрозе, охрана собственной страны и восточных границ империи.

В «греческое» войско входили как князья и воины, которые придерживались монофиситского исповедания, так и армяне-халкидониты. И, по-видимому, именно армяно-халкидонитская и византийская части «греческого» войска послали императору жалобу на тех «армян», которые не допускали их «к совместному причащению св. тайн» (Себеос, с. 148). Констант II приказал отправить «к армянам» для богословской дискуссии некоего эрудированного философа по

³⁸ История епископа Себеоса. С. 128.

имени Давид «родом из гавара Багреванд из села Багаван», т.е. армянина-халкидонита (Себеос, с. 148).

«Греческое» войско, таким образом, как по составу (этническому и конфессиональному), так и по задачам, выполняемым им, – классический феномен синтетной контактной зоны.

2.2. В VI–VII вв. армяне оказывают ощутимое воздействие на религиозную жизнь империи, побуждая к поискам конфессионального примирения. В самой Армении в 591 г. с санкции Византии был основан халкидонитский католикосат в Аване в противовес монофиситскому в Двине. В середине VII в. халкидонитство взяло верх в Армении, став господствующим вероисповеданием, и лишь в начале VIII в. армянам удалось выработать самостоятельную церковную политику. Решающим моментом в борьбе был окончательный разрыв армянской церкви с грузинской (Маназкертский собор 726 г.). Увеличение армяно-халкидонитской общины повлекло, может быть, за собой появление армяно-халкидонитской церковной организации³⁹.

Наиболее ярким феноменом взаимодействия двух культур является переводческая деятельность грекофильской школы, направленная на сознательную трансплантацию греческой культуры.

Эллинофильство армян выражалось в приверженности к греческой науке, литературе и культурным традициям. Греческий язык был достаточно широко распространен как среди эллинофилов так и среди православных армян (при этом понятия «эллинофил» и «армянин-халкидонит» не всегда совпадали). Греческий язык был не только книжным языком, но и средством общения.

В переводах грамматических и риторических произведений последовательно применялись принципы материального перевода, которые скрупулезно передавали содержание и форму оригинала. Переводчики эллинофилы для создания философских терминов прибегали не к заимствованию греческих слов, а к их смысловому переводу и с этой целью вводили в армянскую лексику множество искусственных слов и словосочетаний. За 80–90 лет, начиная с перевода «Грамматики» Дионисия Фракийского и кончая появлением трудов Давида Анахта, была создана специальная философская терминология и армянскому читателю были представлены не только сложнейшие произведения античной философии (Аристотель, Платон, Филон, Порфирий и др.), но и оригинальные философские трактаты и комментаторские труды светского, научного содержания. Древнеармянские переводы «Категорий» и «Об истолковании» Аристотеля, «Введения» Порфирия, пяти произведений Платона («Тимей», «Законы», «Евтифрон», «Минос», «Апология Сократа») и четырнадцати трактатов Филона Александрийского принадлежит к числу древнейших и чрезвычайно точных переводов мировой философской литературы.

Переводные произведения второй половины V – начала VI в., явились основой для дальнейшего развития философской и научной мысли⁴⁰.

Синтез греческой и армянской культур привел к блистательному подъему духовной жизни Армении и ознаменован появлением замечательной плеяды армянских ученых, мыслителей, историографов, политических деятелей, зодчих и художников в V–VII вв.

На VII в. приходится заключительный четвертый (по классификации С.С. Аревшатына) и весьма плодотворный этап переводческой деятельности

³⁹ Arutiunova-Fidanyan V.A. Les Arméniens chalcédoniens en tant que phénomène culturel de l'Orient chrétien // Atti del quinto simposio internazionale di arte armena. Venezia, 1988. P. 463–478.

⁴⁰ См.: Аревшатын С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227.

грекофильской школы (переводы Платона, Зенона, Гермеса Трисмегиста и многих других)⁴¹.

Византийская Армения в VI–VII вв. – это земли, где наличествует: 1) общая с Византией территория; 2) общая государственность (при определенной автономии армян); 3) взаимодействие этносов (переливы населения); 4) культурное взаимодействие, в результате которого появляются синтезные феномены в области политики, конфессии и культуры.

Взаимодействие двух культур сказалось и в изменениях менталитета армянского и византийского общества, особенно ярко в эволюции «образа Византии» в трудах армянских историков. «Образ Византии» в период возникновения и существования контактной зоны в основном позитивен⁴².

Контактная зона – как строгий термин – это не просто лимитрофы, не местности с полиэтничным населением, не земли, захваченные в результате военных или дипломатических мероприятий с последующей ассимиляцией населения и с навязанными или добровольно воспринятыми социально-экономическими и политическими институтами. Лимитрофность, полиэтничность, военные или мирные взаимопроникновения, взаимодействие этносов и культур – все это необходимые условия существования зоны контакта. Эти условия необходимы также для возникновения, но недостаточны для существования синтезной контактной зоны.

Я понимаю под термином «синтезная контактная зона» органичную структуру со своими законами и своеобразием культурного облика. Взаимосвязь всех компонентов (ментального, этно-конфессионального, социально-административного) конституирует армяно-византийскую контактную зону как диалектическое единство, выявляющее свое существование через сложные феномены, порожденные взаимодействием и взаимовлиянием культур.

Для формирования контактной зоны нужно не только общее пространство, но и общее время. Для того, чтобы появились синтезные феномены, необходимо, как минимум, несколько десятилетий (или столетий) взаимодействия и взаимовлияния культурных систем. Таким образом, временной фактор является конституирующим для контактной зоны.

Итак, «контактная зона» – это не просто зона контакта, но место возникновения феноменов, в результате не только сосуществования, но и взаимовлияния культур, т.е. синтезных феноменов.

⁴¹ Взаимодействию и взаимовниманию армянского и греческого искусства посвящена большая литература (библиографию см.: История армянского народа. Т. II. Ереван, 1984). Выявление синтезных феноменов в области архитектуры, живописи и литературы – дело искусствоведов. Интересным исследованием в этой области является работа Х. Фазнзера, который показывает, что в VII в. тип армянских церквей с крестообразным основанием и центральным куполом становится популярным на Христианском Востоке: церковь в Мрене (623–640), церковь св. Гаянэ в Валаршапате (ок. 630 г.), храм в Багаване (631–639). Заказчиками этих трех церквей были православные армянские каталикосы Езр и Нерсес III. *Фазнзер Х.* К вопросу о зарождении архитектуры церквей с крестообразным основанием и центральным куполом // II Международный симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978.

⁴² *Арутюнова-Фиданян В.А.* Византия VII в. глазами современников (армянская историография VII в.) // ВВ. 2001. Т. 60.